

ПЕРЕВОДЫ

Гарольд Гарфинкель

Исследование привычных оснований повседневных действий

Постановка проблемы

Если у Канта нравственный закон «внутри нас» вызывал мистическое благоговение, то для социологии нравственный закон «вне нас» является технической задачей. С точки зрения социологической теории, нравственный закон воплощен в упорядоченных по некоторым правилам действиях повседневной жизни. Члены общества сталкиваются с ним и знают о нем как об обычном, по их ощущению, ходе действий: в знакомых картинах ежедневных дел, в мире повседневной жизни, который знаком им, как и всем остальным, и воспринимается как нечто само собою разумеющееся.

Люди называют этот мир «естественные события жизни», которые для их участников сплошь и рядом являются и моральными фактами. Для членов общества привычные дела не просто обстоят вполне определенным образом, но обстоят они всегда либо правильно, либо неправильно. Знакомые картины повседневных занятий, к которым участники относятся как к «естественным событиям жизни», – это многочисленные факты их повседневного существования, представляющие собой одновременно и сам реальный мир, и продукт деятельности людей в этом мире. Эти картины обеспечивают возможность «фиксации», узнавания («вот оно!»), к ним человека всякий раз возвращает пробуждение, они являются и отправными точками, и точками возврата для любого преобразования мира повседневной жизни, осуществляемого в игре, мечтах, экстазе, театральном перевоплощении, научном теоретизировании или торжественных ритуалах.

Знакомый мир здравого смысла, мир повседневной жизни является предметом непреходящего интереса для любой дисциплины – и гуманитарной, и естественнонаучной. В общественных же науках и, в особенности, в социологии он, по сути, составляет основной предмет изучения. Он определяет саму проблематику социологии, входит в самую природу социологического отношения к действительности и странным образом охраняет свой суверенитет от претензий социологов на адекватное его объяснение.

Однако несмотря на центральное положение этой темы в социологии, существующая обширная литература приводит мало данных и почти совсем не содержит методов, которые позволили бы выявить сущностные черты социально признанных «знакомых картин» и соотнести их с параметрами социальной организации. Хотя социологи и принимают социально структурированные сцены повседневной жизни в качестве отправных точек своих исследований, они все же редко

* *Garold Garfinkel. Studies in Ethnomethodology. Prentice Hall Inc., New Jersey, 1967. Chapter 2. Studies of the routine grounds of everyday activities. P. 35–75.*

© Перевод с английского Турчаниновой Ю.И., Гусинского Э.Н.

© Центр Фундаментальной Социологии, 2002 г.

замечают¹, что сама возможность существования мира здравого смысла является для социолога исследовательской проблемой. Такая возможность либо постулируется теоретически, либо считается само собой разумеющейся. Хотя определение мира повседневной жизни, каким он представляется здравому смыслу, безусловно входит в социологическую проблематику и как самостоятельная задача, и как методологическое основание социологических исследований, до сих пор эта проблема не изучалась. В данной статье я намерен показать, что изучение действий, основанных на здравом смысле, безусловно имеет важное значение для социологии, и, рассказав о ряде наших исследований, хотел бы стимулировать обращение к этой проблематике.

Как сделать обыденные сцены заметными

При анализе устойчивых характеристик повседневных занятий социологи обычно выбирают знакомые испытуемым обстоятельства, такие, как домашняя обстановка или рабочее место, и ищут переменные, обеспечивающие устойчивость этих характеристик. И столь же обычно они не рассматривают некий определенный аспект этих обстоятельств: социально стандартизованные и стандартизирующие, «видимые, но не замечаемые», ожидаемые, фоновые черты повседневных событий. А члены общества как раз эти фоновые ожидания и используют в качестве схемы интерпретации реальности, благодаря чему совершающиеся здесь и теперь события становятся для них узнаваемыми и доступными пониманию как «проявления-знакомых-событий». Тот факт, что каждый человек ощущает этот фон, вполне очевиден, и в то же время всякий испытывает большие затруднения, если его попросят рассказать точно, в чем эти ожидания состоят. Когда человека спрашивают об этом, он может рассказать очень немного или не может рассказать вообще ничего.

Чтобы эти фоновые ожидания вышли на первый план, надо либо на самом деле быть сторонним наблюдателем по отношению к «обычной жизни», либо суметь каким-то образом отстраниться от нее. Как указывал Альфред Шюц, чтобы рассмотреть сами эти ожидания в качестве проблемы, необходим «особый мотив». У социологов такой мотив есть, он заключается в создании программы рассмотрения обыденных жизненных обстоятельств членов общества как предмета теоретического интереса, а эти обстоятельства, с точки зрения членов общества, с необходимостью включают и нравственный аспект многих своих фоновых характеристик. В результате видимый, но обычно не замечаемый фон повседневных действий выявляется и описывается с точки зрения той жизни, которой они на самом деле живут: имеют таких детей, каких имеют, испытывают какие-то чувства и над чем-то размышляют, вступают в такие отношения, в которые в действительности вступают, специально для того, чтобы дать социологу возможность решить его теоретические проблемы.

Практически единственный из социологов-теоретиков, Альфред Шюц в своих поздних работах из серии классических исследований² по конститутивной феноменологии мира повседневной жизни, описал многие из этих видимых, но не замечаемых фоновых ожиданий. Он называл их «установками повседневной жизни» и говорил об их видимых проявлениях как о «мире, известном сообществу и принимаемом как само собой разумеющееся». Фундаментальная работа Шюца делает возможной постановку и решение дальнейших задач прояснения природы и действия фоновых

¹ Работа Альфреда Шюца, цитируемая в сноске 2, составляет замечательное исключение. Читатели, знакомые с его работами, увидят, сколь многим ему обязана эта статья.

² Schutz, *Der Sinnhafte Aufbau Der Sozialen Welt* (Vein: Verlag von Julius Springer, 1932); *Collected Papers I: The Problem of Social Reality*, ed. Maurice Natanson (The Hague: Martinus Nijhoff, 1962); *Collected Papers II: Studies in Social Theory*, ed. Arvid Broderson (The Hague: Martinus Nijhoff, 1964); *Collected Papers III: Studies in Phenomenological Philosophy*, ed. I. Schutz (The Hague: Martinus Nijhoff, 1966)

ожиданий, соотнесения их с процессами согласования действий и определения их места в любом мыслимом обществе.

В исследованиях, о которых рассказывается в этой статье, делается попытка выявить некоторые из тех ожиданий, которые сообщают обыденным житейским картинам их знакомый, привычный характер, и соотнести эти ожидания с устойчивыми социальными структурами повседневных занятий. Что касается порядка изложения, то я предпочитаю начать со знакомых сцен и вопроса о том, что можно сделать, чтобы нарушить привычный ход вещей. Кое-что о том, как складываются и привычно воспроизводятся структуры повседневных действий,³ могли бы прояснить те действия, которые пришлось бы предпринять, чтобы внести в привычное взаимодействие недоумение, напряжение и путаницу, усилить бессмысленность происходящего, вызвать социально обусловленные переживания беспокойства, стыда, вины, негодования и тем самым дезорганизовать привычное взаимодействие.

Небольшое отступление. Несмотря на подчеркнутое внимание к процедурам, мои исследования, строго говоря, не являются экспериментальными. Это – демонстрации, предназначенные, как говорил Герберт Шпигельберг, «служить подспорьем вялому воображению». Я полагаю, что они наводят на размышления, позволяющие выявить «странность» столь знакомого нам мира.

Некоторые существенные особенности общих пониманий

Самые разные соображения указывают на то, что общность понимания едва ли можно измерить объемом взаимного согласия людей по конкретным вопросам. Даже если бы число и разнообразие этих вопросов были ограничены, а практические трудности измерения преодолимы, представление о том, что мы имеем дело с некоторым объемом взаимного согласия, остается неправильным по сути. Это можно показать следующим образом.

Студентов попросили сделать сообщения о самых обычных разговорах, записывая на левой стороне листа то, что участники этих разговоров действительно произносили, а на правой стороне – то, что они и их партнеры под этим подразумевали, то есть о чем на самом деле шла речь. Один из студентов сообщил о следующем разговоре между ним и его женой.

Муж	Дана сегодня сумел просунуть пенни в парковочный счетчик, причем я его не поднимал.	Сегодня днем, когда я вез Дану, нашего четырехлетнего сына, из детского сада домой, он сумел дотянуться достаточно высоко, чтобы опустить пенни в парковочный счетчик, когда мы припарковались в парковочной зоне с повременной оплатой, а раньше мне всегда приходилось его поднимать, чтобы он мог дотянуться так высоко.
Жена	Ты что, брал его с собой покупать пластинки?	Раз он опустил пенс в счетчик, значит, ты останавливался, когда он уже был с тобой. Я знаю, что ты останавливался у музыкального магазина либо, когда ехал за ним, либо на обратном пути. Было ли это на обратном пути, и поэтому он был с тобой, или ты останавливался там, когда еще только ехал за ним, а потом на обратном пути останавливался где-то еще?
Муж	Нет, в обувную	Нет, я останавливался у магазина, где продают пластинки, по дороге за ним, а на обратном пути, когда он

³ И напротив, знание о том, как структуры повседневных действий рутинно воспроизводятся, должно позволить нам ответить на вопрос, как мы могли бы эффективно осуществить желаемые беспорядки.

	мастерскую.	уже был со мной, заезжал в обувную мастерскую.
Жена	Зачем?	Одна причина для заезда в обувную мастерскую мне известна, а на самом деле зачем ты туда заходил?
Муж	Я купил себе новые шнурки для ботинок.	Как ты помнишь, я на днях порвал шнурок на одном из моих коричневых оксфордов, так что я зашел туда купить несколько новых шнурков.
Жена	Нужно срочно поставить набойки на твои мокасины.	Ты мог бы сделать там и еще кое-что, я подумала, что ты мог бы занести туда свои черные мокасины, на которые очень нужно поставить набойки. Тебе бы надо сделать это поскорее.

Анализ этой беседы показывает следующее. (а) Партнеры понимают, о чем идет речь, хотя разговор касается ряда вещей, которые прямо не упоминаются; (б) многое из того, что партнеры понимают, понято ими не только на основе того, что реально сказано, но и того, что осталось несказанным; (в) многое понято благодаря тому, что партнеры в живом разговоре следят за последовательностью высказываний во времени, воспринимая эти высказывания скорее как подтверждение развития разговора, чем как некую связную совокупность слов; (г) то содержание, которое оба собеседника поняли одинаково, было понято только благодаря специальной работе понимания, в процессе которой они обращаются с совершающимися речевыми событиями как с некоторыми «документами», «указателями», выступающими от имени некой подразумеваемой совокупности тем обсуждения, относительно которой каждый из собеседников заранее предположил, что другой, произнося что-то, будет говорить именно об этих предметах. При этом дело не только в том, что подразумеваемая совокупность тем выводилась из последовательности отдельных «документальных» свидетельств, но и сами эти документальные свидетельства, в свою очередь, интерпретировались на основе того, что «уже известно» или в принципе могло быть известно в отношении подразумеваемой совокупности тем⁴. Таким образом, документальные свидетельства и совокупности подразумеваемых тем обсуждения были использованы для взаимного уточнения; (д) следя за высказываниями как за событиями-в-разговоре, каждый из говорящих имел в виду как предысторию данного взаимодействия, так и возможные последующие события, используя это взаимодействие как общую схему интерпретации высказываний собеседника и выражения своих мыслей и приписывая точно такой же характер действий своему партнеру; (е) чтобы понять то, о чем говорилось прежде, каждый из говорящих ждал, чтобы было сказано что-нибудь еще, и каждый, похоже, был готов ждать.

Общность представлений могла бы измеряться объемом взаимного согласия, если бы эти представления складывались из событий, последовательность которых соответствовала бы смене положений стрелок часов, то есть из событий, протекающих в реальном времени. Приведенные же результаты, полученные при рассмотрении обмена репликами как «событиями-в-разговоре», указывают на необходимость по крайней мере еще одного временного параметра: особой роли времени, которая заключается в том, что оно делает предмет разговора («то, о чем говорят») событием, разворачивающимся и развернутым в процессе создававших его действий; той роли времени, которая позволяет и процесс, и его результат воспринимать каждым

⁴ Карл Маннгейм в своем эссе «On the Interpretation of 'Weltanschauung'» (in *Essays on the Sociology of Knowledge*), trans. and ed. Paul Kecskemeti [New York, : Oxford University Press, 1952], pp. 33–83) говорит об этой работе как о «документальном методе интерпретации». Его черты подробно описаны в главе 3.

участником *изнутри* этого развертывания, причем каждый воспринимает их как со своей стороны, так и от имени другого.

Приведенная беседа обнаруживает и ряд других особенностей. (1) Многие из высказываний таковы, что воспринимающий не может определить их смысл, если он не знает или не предполагает что-то по поводу биографии и целей говорящего, обстоятельств произнесения, предшествующего хода разговора или существующих конкретных отношений в актуальном или потенциальном взаимодействиях между говорящим и слушающим. Эти высказывания не имеют смысла, который оставался бы постоянным при сменяющихся случаях их использования. (2) События, о которых шел разговор, были особенно неопределенными. Они не только не очерчивают четко ограниченный набор возможных обусловленностей, но сами описываемые события включают в качестве своих изначально предполагаемых и неотъемлемых черт некую «кайму» сопутствующих обусловленностей, открытых относительно внутренних взаимоотношений, отношений к другим событиям или отношений к прошлым и будущим возможностям. (3) Чтобы отдельное высказывание было осмысленно, после его предъявления каждый из собеседников, находясь в роли слушателя как своей, так и чужой речевой продукции, в каждый данный момент разговора должен был полагать, что реальное значение того, что уже сказано, может проясниться, если подождать, что он сам или его собеседник скажут позднее. Таким образом, многие высказывания обладали тем свойством, что собеседники понимали их и могли понять лишь в дальнейшем ходе разговора. (4) Едва ли надо специально отмечать, что смысл высказывания зависел от его места в последовательности высказываний, от выразительного характера слов, его составлявших, и от значения описываемых событий для собеседников.

Эти свойства общих представлений отличаются от тех свойств, которые они имели бы, если пренебречь их временным характером, а вместо этого обращаться с ними, как с совокупностью записей на ленте памяти. С такой записью можно было бы сверяться как с определенным набором альтернативных значений, из которых надо выбирать при данных условиях, уточняющих, каким из некоторого набора альтернативных способов следует понимать ситуацию в случае, когда возникает необходимость принятия такого решения. Последние свойства – это свойства строгого рационального дискурса, как они идеализированы в правилах, определяющих адекватное логическое доказательство.

Ведя свои повседневные дела, люди никогда не позволяют друг другу таким способом понимать, «о чем они в действительности разговаривают». Допустимыми свойствами обыденного дискурса являются: ожидание, что люди сами *поймут*, что имеется в виду; случайность выбора выражений; характерная неопределенность ссылок; ретроспективное/перспективное ощущение событий настоящего; ожидание продолжения разговора, чтобы понять, что, собственно, имелось в виду раньше. Эти свойства составляют фон видимых, но не замечаемых черт обыденного дискурса, тогда как предъявляемые высказывания опознаются как события обычного, разумного, понимаемого, ясного разговора. Людям нужны эти качества дискурса как условия, при которых они берут себе и дают другим право утверждать, что они знают, о чем говорят, а то, что они говорят, доступно пониманию и должно быть понято. Коротко говоря, видимое, но не замечаемое присутствие этих правил используется, чтобы дать людям возможность, не прерываясь, вести общий разговор. Любые отклонения от такого их использования вызывают немедленные попытки восстановить правильное положение дел.

Санкционированный характер этих свойств можно показать следующим образом. Студенты получили задание вовлечь кого-нибудь из своих знакомых или

друзей в обычный разговор и, никак не показывая ему, что экспериментатор просит о чем-то необычном, настаивать, чтобы этот человек прояснял смысл своих обычных высказываний. 23 студента представили 25 отчетов о таких разговорах. Ниже приведены типичные выдержки из отчетов.

Случай 1.

Испытуемая рассказывает экспериментатору – члену ее автомобильного пула* – о том, что, когда она накануне ехала на работу, у нее спустило колесо.

(И) У меня спустило колесо.

(Э) Что ты имеешь в виду, говоря, что у тебя спустило колесо?

Она прямо остолбенела. Потом ответила довольно враждебно: «Что значит – что я имею в виду? Спустило колесо – это значит “спустило колесо”, вот что я имела в виду, ничего такого особенного, что за дурацкий вопрос?!»

Случай 2.

(И) Привет, Рэй! Как твоя подружка?

(Э) Что ты имеешь в виду, спрашивая «как она?» Умственно или физически?

(И) Я имею в виду – как она себя чувствует, да что это с тобой? (Он выглядит раздраженным.)

(Э) Ничего. Просто объясни попонятнее, что ты имеешь в виду.

(И) Ладно, оставим это. Как продвигаются твои дела с медицинской школой?

(Э) Что ты, собственно, имеешь в виду?

(И) Ты знаешь, что я имею в виду.

(Э) Нет, не знаю.

(И) Да что с тобой случилось? Ты не заболел?

Случай 3.

В пятницу вечером мы с мужем смотрели телевизор. Муж сказал, что он устал. Я спросила: «Как ты устал? Физически, умственно или тебе просто скучно?»

(И) Не знаю, думаю, что в основном физически.

(Э) Ты имеешь в виду, что у тебя болят мышцы или кости?

(И) Да, наверное. Не будь такой въедливой. (Посмотрев еще немного телевизор, он говорит:)

(И) Во всех этих старых фильмах одна и та же старая железная кровать.

(Э) Что ты имеешь в виду? Ты имеешь в виду все старые фильмы, только некоторые из них или только те, которые ты сам смотрел?

(И) Да что с тобой стряслось? Ты же знаешь, что я имею в виду.

(Э) Я хотела бы, чтобы ты уточнил.

(И) Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Тьфу, пропасть!

Случай 4.

Во время разговора со своей невестой экспериментатор задавал вопросы о значении различных слов, которые она использовала.

Первые минуты полторы испытуемая отвечала на вопросы, как будто эти вопросы были вполне закономерными. Потом она спросила «Зачем ты задаешь мне такие вопросы?» и повторяла его еще дважды или трижды после следующих вопросов. Она занервничала и перепугалась. Ее лицо и руки задергались. Она запуталась, пожаловалась, что я заставляю ее нервничать, и потребовала, чтобы я прекратил это... Затем она взяла журнал и закрылась им от меня. Потом положила журнал и сделала вид, что поглощена им. Когда я спросил, почему она смотрит в журнал, она поджала

* Пул – объединение людей для совместного использования автомобиля – *Прим. перев.*

губу и отказалась от дальнейшего разговора.

Случай 5.

Мой друг сказал мне: «Поторопись, а то мы опоздаем». Я спросил его, что он имеет в виду, говоря «опоздаем», и с какой точки зрения это имеет смысл. Его лицо приобрело цинично-недоуменное выражение: «Почему ты задаешь мне такие дурацкие вопросы? Я вовсе не должен объяснять такие выражения. Что с тобой сегодня? – Я спросил: «Почему я должен прекратить анализировать такого рода утверждения?» Всем понятно, что я говорю, и ты не должен быть исключением.

Случай 6.

Жертва приветливо помахала рукой.

(И) Ты как?

(Э) В каком отношении я как? В отношении здоровья, денег, учебы, расположения духа...?

(И) (покраснев и внезапно выходя из себя): Послушай, я просто хотел быть вежливым, откровенно говоря, мне совершенно наплевать, как ты!

Случай 7.

Мой друг и я разговаривали о человеке, чье высокомерие нас раздражало. Мой друг выразил свои чувства.

(И) Меня от него тошнит.

(Э) Не объяснишь ли ты, что с тобой случилось такое, что тебя тошнит?

(И) Ты смеешься надо мной? Ты знаешь, что я имею в виду.

(Э) Пожалуйста, объясни свое нездоровье.

(И) (он слушал меня озадаченно) Что на тебя нашло? Мы ведь никогда так с тобой не разговариваем.

Фоновые понимания и «адекватное» опознание обыденных событий

Какого рода ожидания составляют «видимый, но не замечаемый» фон взаимопонимания и как они связаны с опознанием людьми устоявшихся способов межличностных взаимодействий? Некоторую информацию об этом можно получить, если задаться вопросом, как человек будет воспринимать обычную, знакомую сцену и что он в ней увидит, если попросить его смотреть на нее как на нечто такое, в чем для него нет ничего очевидного.

Студентам выпускного курса было дано задание провести у себя дома от пятнадцати минут до часа, глядя на происходящее так, как если бы они были в этом доме постояльцами. Они также получили инструкцию не признаваться, что имеют такое задание. О своем опыте сообщили тридцать три студента.

В своих письменных отчетах студенты «бихевиоризировали»^{*} домашние сцены – вот выдержка из одного такого отчета, чтобы проиллюстрировать, что, собственно, имеется в виду.

«Невысокий плотный мужчина вошел в дом, поцеловал меня в щеку и спросил: “Как дела в школе?” Я вежливо ответил. Он прошел в кухню, младшую из двух женщин поцеловал, а другой сказал: “Привет”. Женщина помоложе спросила меня: “Что ты хочешь съесть на ужин, солнышко?” Я ответил – ничего. Она пожала плечами и ничего не сказала. Женщина постарше шаркала ногами по кухне, что-то бормоча.

^{*} Постулатом бихевиоризма является строгая установка на чисто внешнее, объективное описание поведения, которое никоим образом не должно затрагивать считающийся сугубо гипотетическим внутренний мир испытуемого – *Прим. перев.*

Мужчина вымыл руки, сел за стол и взял газету. Он читал, пока женщины не закончили накрывать на стол. Все трое сели к столу. Они обменивались незначущими замечаниями по поводу событий дня. Старшая из женщин сказала на иностранном языке что-то такое, что рассмешило остальных.»

Люди, отношения и действия описывались без связи с их историей, с местом данной сцены в череде развивающихся жизненных обстоятельств, всей этой ткани событий, значимых для их участников. Исключались упоминания о мотивах, уместности тех или иных поступков, о субъективных переживаниях, а также о социально стандартизованном (нормальном) характере событий. Описания производили такое впечатление, как будто их составлял наблюдатель, подсматривавший в замочную скважину и специально опускавший большую часть того, что ему, как и испытуемым, известно о сценах, которые он видит, – так писатель мог бы описывать сцены из жизни, если бы слегка подзабыл то, что ему по здравому смыслу известно о простых социальных структурах.

Глядя со стороны, студенты с удивлением обнаружили те особенности, которые придавали обращению участников друг с другом сугубо личный характер. Дела кого-то одного касались и других, если кого-то порицали, он не мог сохранить достоинство, а другие не допускали мысли, что он может обидеться. Одну из студенток удивило то, что она имеет такой свободный доступ ко всему в доме. Люди вели себя и проявляли свои чувства, не заботясь о том, какое впечатление они производят. Манеры поведения за столом были скверными, и члены семьи не проявляли особой предупредительности друг к другу. Первой «жертвой» такого стороннего взгляда стало обсуждение семейных событий дня, которое превратилось в совершенно пустой разговор.

Студенты сообщали, что им было трудно придерживаться заданного способа наблюдения. Знакомые объекты – в первую очередь, конечно, люди, но также и мебель, и вся обстановка комнат – сопротивлялись стараниям студентов думать о них, как о незнакомых. Многие студенты с неудовольствием замечали, что осознают, каким именно образом совершаются привычные движения: *как*, например, человек управляется со столовым прибором, *как* он открывает дверь или приветствует другого члена семьи. Многие сообщали, что это наблюдение было трудно продолжать из-за того, что становились заметными раздоры, пререкания и недружелюбное отношение друг к другу, и это огорчало. Часто, описывая впервые замеченные проблемы, студент отмечал, что этот его отчет о семейных проблемах не дает истинной картины, что *на самом деле* его семья – очень счастливая. Были студенты, которые почувствовали себя «отчасти конформистами» и были несколько подавлены этим. Некоторые студенты попытались определить свое «Я-реальное» через поступки, управляемые определенными правилами поведения, но оставили эту задачу как безнадежную. Они сочли более убедительным думать, что их «Я-в-обычных-обстоятельствах» и есть «Я-настоящее». Тем не менее один из студентов был поражен тем, насколько точно и успешно он мог предвидеть реакции других на его действия. Это чувство не вызвало у него беспокойства.

Многие отчеты содержали вариации на тему: «Я был рад, когда этот час истек, и я мог снова стать самим собой».

Студенты были убеждены, что картина, наблюдаемая с позиции постояльца, – это не подлинная их домашняя среда. Позиция постояльца порождала картины, которые они отбрасывали как забавные, но не соответствующие истине, не имеющие практического значения и дезориентирующие. Как же были изменены их привычные способы видения домашнего окружения? Чем отличался их способ наблюдения от обычного?

Из их отчетов можно выделить несколько отличий такого способа наблюдения от «обычного» и «требуемого». 1) Рассматривая свой дом глазами постояльца, они заменяли общепризнаваемый контекст событий неким правилом интерпретации, которое требовало, чтобы этот контекст *временно* не учитывался. 2) С этой новой позиции сам общепризнаваемый контекст становился предметом рассмотрения с целью определения его существенных структур. 3) Для этого наблюдатель вступал во взаимодействие с другими с позиции, суть и цель которой знал только он сам; которая не раскрывалась для других, но могла быть принята или отброшена самим наблюдателем, когда он этого захочет; она была предметом его собственного выбора. 4) Такая преднамеренная позиция удерживалась подчинением единственному и четкому правилу, 5) которое, как это бывает в игре, как раз и предписывало смотреть на все вокруг, руководствуясь только этим правилом. 6) Наконец, такой способ наблюдения исключал необходимость согласования поведения наблюдателя с действиями других. Все эти аспекты студенты сочли весьма странными.

Когда студенты попробовали использовать эти фоновые ожидания не только для наблюдения за семейными сценами, но и как основание своего участия в них, эти сцены просто разрушались, поскольку другие члены семьи не понимали, что происходит, и начинали сердиться.

В следующем эксперименте студентов попросили провести у себя дома от пятнадцати минут до часа, не только воображая себя постояльцами, но и действуя, исходя из этого предположения. Инструкция предписывала им вести себя осмотрительно и вежливо. Они должны были избегать личных выпадов, пользоваться формальными обращениями, говорить только тогда, когда к ним обратятся.

В девяти из сорока девяти случаев студенты либо отказались выполнять задание (пять случаев), либо попытка выполнить его оказалась неуспешной (четыре случая). Четверо из отказавшихся студентов заявили, что побоялись его выполнять, а пятая объяснила, что предпочла не рисковать и не беспокоить мать, у которой больное сердце. В двух из «неуспешных» случаев семья с самого начала отнеслась к поведению студента, как к шутке, отвергла ее, и не изменила своей позиции, несмотря на все попытки студента продолжить выполнение задания. Третья семья решила, что за этим что-то кроется, но их не заинтересовало, что бы это могло быть. В четвертой семье отец и мать отметили, что дочь что-то «чересчур мила» и, значит, ей, несомненно, что-то нужно, а что именно, скоро выяснится.

В остальных сорока случаях члены семьи были озадачены. Они явно старались как-то понять странное поведение одного из них и вернуть ситуацию в нормальное русло. Отчеты студентов полны упоминаниями о потрясении, замешательстве, шоке, беспокойстве, раздражении и гневе, а также о самых разных обвинениях, услышанных ими от членов своей семьи – в нечестности, отсутствии сочувствия, эгоизме, невежливости и т.п. Члены семьи требовали объяснений: В чем дело? Что на тебя нашло? Тебя что, выгнали? Ты не заболел? Что это ты так развоображался? Почему ты злишься? Ты что, спятил или просто дурак? Один из студентов ужасно разозлил свою мать, спросив в присутствии ее друзей, не будет ли она возражать, если он возьмет что-нибудь в холодильнике перекусить. «Не буду ли я возражать? Ты тут годами перекусывал, не спрашивая у меня разрешения. Что на тебя нашло?» Одна из матерей, разъяренная тем, что дочь говорила с ней только тогда, когда к ней обращались, разразилась злыми обвинениями в ее адрес за неуважительное и непочтительное поведение и отвергла все попытки сестры студентки успокоить ее. Отец отругал дочь за недостаточную заботу о благополучии других и за то, что она ведет себя, как испорченный ребенок.

В ряде случаев члены семьи поначалу приняли действия студента как призыв к совместному развлечению, но вскоре это отношение сменилось раздражением и неприкрытой злостью на студента за то, что он не знает, когда уже пора остановиться. Члены семей насмеялись над «вежливостью» студентов – «конечно, мистер Герцберг!» – или обвиняли студента в том, что он ведет себя так, как будто он умнее других, в общем, саркастически осмеивали эту «вежливость».

Они пытались найти какое-то доступное пониманию объяснение мотивам студента в предшествующих событиях: он перезанимался; заболел; произошла очередная ссора с невестой (женихом). Когда объяснения, предлагавшиеся членами семьи, не получали подтверждения, обиженный член семьи уходил, нарушителя изолировали, его ждали возмездие и осуждение. «Не спорь с ним, он опять в своем духе»; «Не обращай внимания, просто подожди, пока он попросит меня о чем-нибудь»; «Раз ты со мной так, то и я с тобой буду так, и тогда посмотрим...»; «Ну почему ты всегда должен создавать трения в семье?» Во многих отчетах упоминаются различные варианты продолжения конфронтации. Отец отправляется за сыном в его спальню. «Мать права. Ты скверно выглядишь и говоришь глупости. Тебе бы надо поискать другую работу, которая не требовала бы от тебя таких поздних занятий». На это студент ответил, что он ценит сочувствие, но чувствует себя прекрасно и просто хочет немного уединения. Отец ответил в повышенном тоне: «Я больше не желаю *этого от тебя* слышать, и если ты не можешь обращаться с матерью по-человечески, лучше тебе съехать».

Не было случая, чтобы после объяснений студента ситуация не выправилась, тем не менее, большинство семей это происшествие отнюдь не развлекло, мало кто нашел в этом опыте что-нибудь поучительное, хотя студенты и объясняли, что такая поучительность предполагалась. Выслушав объяснения, сестра одного из студентов холодно ответила от имени остальных четверых членов семьи: «Пожалуйста, не надо больше никаких экспериментов. Мы, знаешь ли, не крысы». В некоторых случаях объяснение было принято, но только добавило обиды. В ряде случаев студенты сообщали, что объяснение оставило либо их самих, либо семью, а нередко и тех, и других, в сомнении относительно того, что из сказанного студентом он действительно имел в виду, а что говорил, так сказать, по роли.

Студенты нашли это задание трудным, но в своих отчетах, в отличие от отчетов чистых наблюдателей, они часто отмечали: основная трудность состояла в том, что их, так сказать, партнеры обращались с ними без учета роли, которую студенты пытались играть, а, кроме того, сталкиваясь с разными ситуациями, они не знали, как реагировал бы в подобных обстоятельствах настоящий постоялец.

Были получены и некоторые совершенно неожиданные данные. 1) Хотя многие студенты сообщали о многократном проигрывании предстоявших сцен в воображении, мало кто упоминал о страхах или тревогах, испытанных перед экспериментом. 2) В то же время, хотя довольно часто случались непредвиденные и трудные ситуации, лишь один студент написал, что искренне сожалеет о происшедшем. 3) Очень немногие студенты сообщали, что испытали глубокое облегчение, когда этот час истек, гораздо чаще говорилось всего лишь о некотором частичном облегчении. Студенты часто писали, что тоже сердились в ответ на злость других и легко соскальзывали в привычные чувства и действия.

В отличие от постояльцев-наблюдателей в этих ситуациях лишь очень немногие студенты «бихевиоризировали» сцены.

Фоновые понимания и социальные аффекты

Несмотря на огромный интерес к социальным аффектам в общественных науках и то серьезное внимание, которое проявляет к ним клиническая психиатрия, до сих пор написано на удивление мало о социально структурированных условиях их возникновения. Роль, которую фон общих пониманий играет в их возникновении, опознании их и управлении ими, остается практически *terra incognita*. Такой недостаток внимания со стороны прикладных исследователей тем более примечателен, что именно этим озабочены люди, желающие по своему здравому смыслу вести повседневные дела таким образом, чтобы вызывать энтузиазм и дружелюбие, а переживаний беспокойства, вины, стыда или скуки избегать. Связь социальных аффектов с общим пониманием можно показать, рассматривая процедуру со студентами–постояльцами как средство провокации замешательства и злости: «постоялец» относится к важным для всех «очевидным», «нормальным» и «реальным» обстоятельствам так, как будто для него это вовсе не так.

Существование определенной и сильной связи между общим пониманием и социальными аффектами можно продемонстрировать (и одновременно выявить некоторые черты этой связи) посредством явного проявления недоверия – процедуры, дающей, на наш взгляд, достаточно стандартизованный эффект. Мы исходили из следующего.

Одно из фоновых ожиданий, описанное Шюцем, касается санкционированного использования сомнения как составляющей мира, понимаемого сообща. Шюц полагал, что *при осуществлении своих повседневных дел* человек принимает допущение о том, что нормальное отношение между каким-то мыслимым объектом и его данными конкретными предьявлениями в данных обстоятельствах есть отношение несомненного соответствия. При этом он полагает также, что другой человек принимает те же допущения как в отношении объекта и его предьявлений, так и в отношении него самого, т.е. ждет от него таких же допущений. Для человека, ведущего свои повседневные дела, объекты именно таковы, какими они представляются, и он ожидает, что и другие думают так же. Для того, чтобы это отношение рассматривалось по *правилу* сомнения, требуется обосновать необходимость и мотивы использования этого правила.

Мы ожидали, что различия в явном проявлении правила сомнения (недоверия)⁵ в том, что другой человек относится к принятому контексту взаимных ожиданий действительно так, как он это проявляет, должно вызвать различные переживания у того, кто сомневается, и у того, в ком сомневаются. Человек, которому не доверяют, должен требовать объяснений, и, если они не предоставляются (поскольку «любому ясно», что их и не может быть), должен испытывать гнев. Что касается экспериментатора, тут мы ожидали замешательства, поскольку он оказывается в весьма противоречивом положении: под пристальным взглядом жертвы он предстает ничтожеством, которым его выставляет недоверие к тому, что всякому ясно, и одновременно он является тем компетентным человеком, которым он себя совместно с

⁵ Понятия доверия и недоверия разработаны в моей статье «A Conception of and Experiments with 'Trust' as a Condition of Stable Concerted Actions» in *Motivation and Social Interaction*, ed. O. J. Harvey (New York: The Ronald Press Company, 1963, pp. 187-238). Термин «доверие» используется там для описания подчинения человека ожиданиям установки повседневной жизни как морали. Действие в соответствии с правилом сомнения, направленного на соответствие между проявлениями объектов и самими объектами (проявление – это проявление чего-то), – это лишь один из способов уточнения понятия «недоверие». Модификации взаимных ожиданий, которые формируют отношение повседневной жизни, равно как и их разнообразных совокупностей, предоставляют вариации центральной темы рассмотрения мира, который человек обязан знать совместно с другими и принимать как должное с точки зрения его проблематичности. См. примечание об обсуждении Шюцем обыденного отношения в сноске 2. Конституирующие это отношение ожидания кратко перечислены на страницах 55–56.

другими знает в глубине души, но каковым по требованиям процедуры не может предстать.

Как часы Сантаяны, наше предположение не оказалось ни правильным, ни неправильным. Хотя процедура и дала то, чего мы ожидали, она предоставила и нам, и экспериментаторам гораздо больше материала, чем мы ожидали.

Студенты получили инструкцию вовлечь кого-либо в разговор и вообразить (а затем и действовать, исходя из этого), что за словами этого человека кроются некие скрытые мотивы, которыми он и руководствуется. Они должны были считать, что другой человек пытается их обмануть или дезориентировать.

Только в двух случаях из тридцати пяти студенты попробовали выполнить это задание с посторонними людьми. Остальные, опасаясь, что такая ситуация может выйти из-под контроля, выбрали для выполнения задания друзей, соседей по общежитию или членов семьи. И даже при этих условиях они сообщали о значительном числе репетиций в воображении, серьезных раздумьях о возможных последствиях и тщательном отборе нужного человека из числа многих.

Установку недоверия было трудно как принять, так и удерживать. Студенты сообщали об остром ощущении участия в «какой-то искусственно сконструированной игре», об ощущении неспособности «вжиться в роль» и о том, что часто они «совершенно не знали, что делать дальше». Слушая собеседника, экспериментаторы забывали о задании. Одна из студенток сказала то, что могли бы повторить и другие: она не смогла получить никаких результатов, поскольку удержание позиции недоверия отнимало столько сил, что невозможно было следить за разговором. Она совершенно не могла представить себе, как бы это ее друзья-собеседники могли ее обманывать, – ведь они все время говорили о таких незначительных вещах.

Для многих студентов предположение о том, что другой человек – вовсе не тот, кем кажется, и ему не следует верить, было равносильно предположению, что этот другой злится на них и ненавидит их. С другой стороны, многие жертвы, хотя и жаловались, что у студента не было никаких причин так скверно обходиться с ними, по собственной инициативе предпринимали попытки объясниться и примириться. И лишь когда эти попытки оказывались безуспешными, следовали открытые проявления злости и «отвращения».

Для двух студентов, попытавшихся провести эту процедуру с посторонними, ожидаемое раздражение испытуемого довольно быстро материализовалось в весьма острой форме. Одна студентка пристала к водителю автобуса, требуя от него заверений, что автобус действительно пройдет по улице, которая ей нужна. После того, как водитель несколько раз подтвердил, что автобус пройдет по этой улице, он вдруг вышел из себя и заорал так, что его услышали все пассажиры: «Послушайте, леди! Я ведь вам сказал уже один раз, или нет? Сколько раз я должен вам это говорить?» Она пишет: «Я кинулась в конец автобуса и забилась в самый угол сиденья. У меня похолодели ноги, горело лицо, я возненавидела свое задание».

Мало кто из студентов, попытавшихся выполнить это задание с друзьями или членами семьи, сообщал, что испытал чувство стыда или замешательства. Они, равно как и мы, с удивлением обнаружили, что, как написал один из студентов, «едва начав играть роль человека, которого ненавидят, я и правда почувствовал, что меня ненавидят, и к тому времени, когда вышел из-за стола, уже как следует разозлился». К еще большему нашему удивлению, многие сообщали, что получили удовольствие от выполнения этого задания, при том, что и их партнеры, и они сами по-настоящему сердились.

Хотя объяснения студентов в большинстве случаев легко выправляли ситуацию, несколько эпизодов «приняли серьезный оборот» и оставили у одной или обеих сторон

ощущение беспокойства, не развеянного предложенным объяснением. Это можно проиллюстрировать отчетом одной замужней студентки, которая в конце ужина с некоторой тревогой спросила мужа о его работе поздно вечером накануне и намекнула, что сомневается, действительно ли в один из вечеров на предыдущей неделе он играл в покер, как утверждал. Она не спросила, что он делал на самом деле, но показала, что ей необходимы какие-то объяснения. Он – не без сарказма – поинтересовался: «Тебя, похоже, что-то беспокоит? Ты не можешь мне сказать, что именно? Наш разговор наверняка имел бы больше смысла, если бы я тоже знал это». Она обвинила его в умышленном уходе от темы, хотя никакой темы не было обозначено. Он упрямо ждал, чтобы *она* сама сказала *ему*, в чем, собственно, дело. Когда она этого не сделала, он спросил прямо: «Ну, хорошо, в чем дело?» Вместо ответа «я бросила на него долгий и тяжелый взгляд». Он явно расстроился, стал очень внимательным, мягким, убедительным. В ответ она призналась, что проводила эксперимент. Он, очевидно несчастный, гордо отошел и весь остаток вечера был сумрачен и подозрителен. Она между тем оставалась за столом. Задетая и обеспокоенная его замечаниями (которые ее же заявлениями и были вызваны) о том, что на работе к нему не пристают «со всякими инсинуациями», особенно инсинуациями по поводу того, что на работе ему не скучно, а с ней дома он скучает, она писала: «Меня действительно задело его замечание. На протяжении всего эксперимента я чувствовала себя более расстроенной и обеспокоенной, чем он, из-за того, что он казался таким невозмутимым». Ни один из них не захотел продолжить обсуждение этого вопроса. На следующий день муж признался, что был сильно расстроен и у него были следующие реакции (именно в таком порядке): решимость оставаться спокойным; потрясение в связи с «подозрительной натурой» жены; удивление, когда он обнаружил, что его подшучивание вызывает такую тяжелую ответную реакцию; решимость заставить ее сформулировать собственные ответы на ее же вопросы, ничего не отрицая и никак ей не помогая; огромное облегчение, когда обнаружилось, что это столкновение было спровоцировано экспериментально; но в конечном итоге все же сохранявшееся весь остаток вечера неприятное чувство, которое он охарактеризовал как «поколебленные представления о моей (жены) натуре».

Фоновое понимание и неразбериха

Выше утверждалось, что возможность общего понимания состоит не в проявляемой мере общего знания общественных структур, но целиком и полностью заключается в узаконенном характере действий в соответствии с ожиданиями повседневной жизни как морали. Здравый смысл как знание фактов общественной жизни является для членов общества институционализированным знанием реального мира. Обыденное знание не только изображает реальное общество для его членов, но сами свойства реального общества, как самореализующиеся пророчества, воспроизводятся людьми посредством мотивированного подчинения этим фоновым ожиданиям. А значит, стабильность согласованных действий должна прямо зависеть от всех и любых реальных условий общественной организации, которые обеспечивают мотивированное подчинение людей этой фоновой системе «уместностей» как узаконенному порядку представлений о жизни в обществе, как они видятся «изнутри» этого общества. Рассматриваемая же с точки зрения отдельного человека, его приверженность к мотивированному подчинению состоит в понимании и признании им «естественных фактов жизни в обществе».

Из этих соображений следует, что чем более жестким является представление члена сообщества о том, что всякий-нормальный-человек-обязательно-знает, тем сильнее будет его замешательство, если при описании им своих реальных жизненных

обстоятельств «естественные факты жизни» окажутся поставленными под сомнение. Процедура, призванная проверить это предположение, должна изменить *объективную* структуру знакомой, известной участникам среды, сделав фоновые ожидания неработающими. Это изменение, в частности, должно поставить человека перед нарушением фоновых ожиданий в отношении повседневной жизни и при этом (а) не позволять ему интерпретировать складывающуюся ситуацию как игру, эксперимент, обман, т.е. нечто иное, чем то, что в соответствии с повседневной установкой известно ему как проявление санкционированной морали и нравственного поведения; (б) заставить его реконструировать «естественные факты», но не дать достаточного времени на такое реконструирование с точки зрения необходимого овладения практическими обстоятельствами, для которых ему приходится использовать свое знание «естественных фактов»; и (с) требовать, чтобы он справился с реконструкцией естественных фактов сам и без согласованных обоснований.

Предполагается, что у человека не будет другой альтернативы, кроме как попытаться нормализовать возникающие несоответствия в порядке событий повседневной жизни. Однако в результате самих этих усилий события будут все более утрачивать свой кажущийся нормальным характер. Испытуемый оказывается не в состоянии приписать происходящему статус типичного события. Ему не удастся ни вынести суждения о происходящем на основе сравнения его с чем-то похожим, ни связать текущие события с похожим порядком событий, встречавшимся ему прежде. Он не может указать условия, при которых подобные события могли бы повториться, не говоря уже о способности опознать их «с первого взгляда». Он не способен упорядочить эти события в соответствии с отношением «цели-средства». Должна быть подорвана его убежденность в том, что происходящее всегда *освящено* моральным авторитетом знакомого ему общества. Стабильные и «реалистичные» соответствия между намерениями и целями должны распасться – здесь я имею в виду, что способы (в других обстоятельствах известные ему), которыми объективная, воспринимаемая обстановка служит мотивирующей основой эмоций и, одновременно, сама мотивируется эмоциями, направленными на нее, должны стать непонятными. Короче говоря, реально воспринимаемая участниками ситуация, утратив фон «всем-известного», должна стать «конкретно-бессмысленной».⁶ В идеальном случае поведение участников по отношению к такой бессмысленной ситуации должно проявлять их замешательство, неопределенность, внутренние конфликты, психосоциальную изоляцию, острое и ненаправленное беспокойство, а также различные симптомы острой деперсонализации. Соответственно и структуры взаимодействия будут дезорганизованы.

Все это предполагает очень сильное нарушение фоновых ожиданий. Очевидно, что на практике мы готовы были согласиться и на меньшее, лишь бы применяемая процедура дала обнадеживающие результаты в отношении справедливости этой формулировки. Оказалось же, что она обеспечивает убедительные и легко обнаруживаемые проявления смятения и беспокойства.

Необходимо, однако, указать, с какими именно ожиданиями мы имели дело. Шюц пишет, что свойство сцены, «известное-мне-сообща-с-другими», является

⁶ Термин заимствован из работы Макса Вебера «The Social Psychology of the World Religions» (*From Max Weber: Essays in Sociology*, trans. H. H. Gerth and C. Wright Mills (New York: Oxford University Press, 1946), pp. 267–301. Я адаптировал его смысл.

сложносоставным и включает ряд компонент. Поскольку эти компоненты уже описаны в других работах,⁷ их обсуждение здесь можно ограничить кратким перечислением.

По Шюцу, всякий человек считает (полагая при этом, что и другой человек считает так же, и что, если он предполагает это в отношении другого, то и этот другой предполагает то же самое относительно него самого), что:

1. качества, которые приписываются событию свидетелями, являются необходимыми и не обусловлены личными пристрастиями или социально структурированными обстоятельствами конкретных свидетелей, т.е. эти качества обладают свойством «объективной необходимости», «природных явлений»;

2. санкционированным отношением между «наблюдаемым проявлением объекта» и «тем объектом, который намеревались предъявить в том или ином конкретном виде» является отношение несомненного соответствия;

3. событие, известное так, как оно известно, способно и реально, и потенциально воздействовать на свидетеля и само испытать влияние его действий;

4. смыслы событий являются продуктами социально стандартизированного процесса именованья, реификации и идеализации потока опыта пользователей, т.е. являются продуктами языка;

5. наличествующие свойства события, какими бы они ни были, являются свойствами, подразумевавшимися в предыдущих случаях и могут точно так же подразумеваться в неограниченном числе будущих проявлений;

6. подразумеваемое событие удерживается как временно тождественное во всем потоке опыта;

7. в качестве контекста интерпретации событие имеет (а) широко распространенную схему интерпретации, состоящую из стандартизированной системы символов, и (б) «то, что всякому известно», т.е. заранее заданный корпус социально гарантированного знания;

8. наличествующие свойства, раскрывающиеся свидетелю в событии, являются потенциальными свойствами, которые раскрылись бы и другому участнику, если бы они поменялись местами;

9. каждому событию соответствуют свои свойства, источником которых служат конкретные биографии свидетеля и другого участника. С точки зрения свидетеля, эти свойства несущественны для актуальных целей обоих, и оба они отбирают и интерпретируют актуальные и потенциальные свойства событий эмпирически тождественным образом, удовлетворительным для обоих с чисто практической точки зрения;

10. существует характерное несоответствие между публично признаваемыми и личными, неафишируемыми, признаками событий, и это личное знание хранится в резерве, т.е., событие означает и для свидетеля, и для другого, больше, чем может сказать свидетель;

11. изменения этого характерного несоответствия остаются в ведении свидетеля.

Неверно думать, что именно отличительные признаки, раскрывающиеся в событии, являются условием его включенности в «известную по здравому смыслу среду». Напротив, сами условия этой включенности определяют, что эти признаки, *в чем бы они по существу не состояли*, окажутся видны и другому человеку (при обмене позициями), а свойства события не являются делом личного вкуса, но очевидны всякому, т.е. именно таковы, как те, что перечислены выше. Эти и только эти

⁷ Schutz, «Common Sense and Scientific Interpretations of Human Action,» in *Collected Papers I: The Problem of Social Reality*, pp. 3-96; and «On Multiple Realities», pp. 207-259. Garfinkel, Chapter 8, and «Common Sense Knowledge of Social Structures,» *Transactions of the Fourth World Congress of Sociology*, 4 (Milan, 1959), 51-65.

перечисленные свойства *независимо от* любых других свойств события определяют его характер как события из области здравого смысла. Какие бы другие признаки не проявляло событие повседневной жизни – будь то признаки, связанные с мотивами людей, их биографиями, уровнем доходов, родственными обязательствами, организацией промышленности или бог знает, с чем еще – тогда и только тогда, когда событие имеет для свидетеля вышеназванные свойства, оно действительно является событием в среде «известной всякому сообществу со всеми остальными».

Подобные признаки относятся к числу тех свойств наблюдаемых событий, которые свидетель видит, но не замечает. Они имеют самое непосредственное отношение к здравому смыслу происходящего для его участников или наблюдателей. Именно они извещают свидетеля о любых проявлениях межличностной среды. Именно эти признаки информируют свидетеля о том, проявлением каких реальных объектов являются наблюдаемые им события, но при этом их вовсе не обязательно опознавать преднамеренно или осознанно.

Поскольку всякое ожидание, участвующее в формировании установки повседневной жизни, приписывает какое-то ожидаемое свойство окружающей действующего среде, разрушить эти ожидания можно, намеренно изменяя происходящие события так, чтобы они обманывали ожидания человека в отношении тех или иных свойств событий. Очевидно, что такие неожиданности можно подстроить по любому из этих ожидаемых свойств. Насколько неприятной окажется подобная неожиданность, будет самым непосредственным образом зависеть от того, в какой мере человек подчинен моральной необходимости использовать их в качестве схемы для приписывания наблюдаемым явлениям статуса событий в нормальной по видимости среде. Короче говоря, реалистичное восприятие членом сообщества естественных жизненных фактов и его устойчивое отношение к знанию этих фактов как к основе для самоуважения (т.е. представления о себе как о добропорядочном и компетентном члене коллектива⁸) являются тем условием, которое нам необходимо, чтобы максимально усилить его замешательство в том случае, когда привычные способы понимания станут источником непреодолимого несоответствия.

Я разработал процедуру нарушения этих ожиданий с соблюдением трех условий, при которых их нарушение должно предположительно вызвать замешательство, а именно: участник не сможет обратить ситуацию в игру, шутку, эксперимент, розыгрыш и т.п. (по Левину – не сможет «покинуть поле»); у него не будет времени на выработку нового определения своих обстоятельств; он будет лишен консенсуальной поддержки для альтернативного определения социальной реальности.

В ходе эксперимента были проведены индивидуальные трехчасовые интервью с 28 учащимися (будущими средними медицинскими работниками). Легенда экспериментатора (он выступал в качестве представителя медицинской школы с Восточного побережья, который пытается понять, почему приемное собеседование в медицинские школы вызывает такой стресс) служила и оправданием для обращения к этим студентам, средством начать разговор. Мы полагали, что представив

⁸ Я использую термин «компетентность» для обозначения претензий члена коллектива на право управлять своими повседневными делами без постороннего вмешательства. Это право может считаться само собой разумеющимся – именно это я имею в виду, говоря о «добропорядочности» членов коллектива. Более подробно связь между «компетентностью» и «знанием социальных структур на уровне здравого смысла» можно найти в докторской диссертации Эгона Биттнера (Egon Bittner, «Popular Interests in Psychiatric Remedies: A Study in Social Control», University of California, Los Angeles, 1961). Термины «коллектив» и «член коллектива» используются в строгом соответствии с: Talcott Parsons, *The Social System* (New York: The Free Press of Glencoe, Inc., 1951), а также: *Theories of Society*, by Talcott Parsons, Edward Shils, Kaspar D. Naegele, and Jesse R. Pitts (New York: The Free Press of Glencoe, Inc., 1961).

экспериментатора человеком, связанным с медицинским образованием, затрудним для учащихся «бегство с поля», когда начнется процедура разрушения ожиданий. Как выполнялись два других условия – (а) переопределение обстоятельств в условиях ограничения времени и (б) невозможность рассчитывать на консесуальную поддержку в альтернативном определении социальной реальности – станет очевидным из дальнейшего описания.

В первый час интервью учащийся сообщал «представителю медицинской школы» различные сведения о приемном собеседовании, отвечая ему на такие вопросы как: «Из каких источников могут медицинские школы получить сведения об абитуриентах?»; «Каких людей стараются отбирать медицинские школы?»; «Как абитуриенту следует вести себя во время собеседования?»; и «Чего не следует делать?». Затем учащемуся сообщали, что исследовательские интересы экспериментатора вполне удовлетворены, и спрашивали, не хочет ли он послушать запись подлинного интервью. Все студенты выразили такое желание.

Запись представляла собой специально подготовленную в целях эксперимента беседу между «представителем медицинской школы» и «абитуриентом». Абитуриент был занудой, его речь изобиловала грамматическими ошибками и жаргонными выражениями, он был уклончив, возражал собеседнику, хвастался, принижал другие школы и профессии, настаивал на том, чтобы ему тут же сказали, как он справился с этим интервью. Сразу после прослушивания записи учащихся просили дать развернутую оценку «абитуриенту».

Затем учащегося знакомили с «личным делом» абитуриента – сначала с его биографическими («объективными») данными, потом – с характеристикой. «Объективные данные» включали сведения о занятиях абитуриента, его оценках, семье, образовании, благотворительной деятельности и т.п. Набор характеристик включал тексты, написанные «д-ром Гарднером, проводившим собеседование», «шестью членами приемной комиссии, имеющими психиатрическую подготовку и прослушавшими записанную беседу», и «другими учащимися».

Эти данные специально подбирались так, чтобы они противоречили основным моментам в оценке абитуриента учащимся. Например, если учащийся говорил, что абитуриент, должно быть, из бедной семьи, ему сообщали, что отец абитуриента – вице-президент компании, производящей пневматические двери для поездов и автобусов. Абитуриент оказался невеждой? Тогда сообщалось, что он с превосходными результатами окончил курс типа «Поэзия Мильтона» или «Драматургия Шекспира». Если учащийся говорил, что абитуриент, по-видимому, плохо ладит с людьми, ему сообщали, что тот добровольно участвовал в сборе пожертвований для Сайденхэмской больницы в Нью-Йорк Сити и сумел получить 32 000 долларов у 30 «крупных доноров». В ответ на утверждение, что абитуриент глуп и не сможет успешно заниматься наукой, сообщалось, что у него были отличные оценки по органической и физической химии, а исследовательское задание для младшекурсников он выполнил на уровне выпускной работы.

Учащиеся очень хотели узнать, что подумали об абитуриенте «другие» и был ли он принят. Им говорили, что абитуриент был принят и впоследствии вполне подтвердил зачитанную учащемуся многообещающую характеристику представителя медицинской школы и «шести психиатров», которые настоятельно рекомендовали принять абитуриента в школу ввиду его подходящего характера. Что касается мнения других учащихся, то учащемуся сообщалось (например), что из 30 других опрошенных учащихся 28 полностью согласились с оценкой представителя медицинской школы, а двое остальных поначалу слегка сомневались, но, получив первые же объективные сведения, дали абитуриенту ту же оценку, что и остальные.

После этого учащемуся предлагалось еще раз послушать запись, а затем его снова просили дать оценку абитуриенту.

Результаты. 25 из 28 учащихся поддались на эту мистификацию. Только трое из всех опрошенных были твердо уверены, что их обманывают. Два из этих случаев будут обсуждаться в заключительной части этого раздела.

Столкнувшись с тем, что их первоначальная (и чрезвычайно негативная) оценка «абитуриента» решительно противоречит его объективным данным, учащиеся прилагали немалые усилия, чтобы привести эти данные в соответствие со своей оценкой. Так, например, поначалу многие предполагали и даже утверждали, что абитуриент – выходец из низов общества. Узнав, что его отец – вице-президент национальной корпорации, производящей пневматические двери для автобусов и поездов, они реагировали следующим образом:

«Ему следовало бы сказать, что он *не нуждается* в деньгах».

«Это объясняет, почему он говорит, что должен был работать. Видимо, его отец заставлял. Так что его жалобы, по большей части, неоправданны, в том смысле, что его дела не так уж плохи».

«Ну и что, какое отношение это имеет к его ценностям?»

Когда им сообщили, что у него были превосходные баллы по естественным наукам, учащиеся начали открыто выражать свое недоумение.

«Он прошел столько разных курсов... Я – в недоумении. Собеседование, видимо, не слишком успешно выявило его характер».

«Похоже, он и вправду изучал какие-то странные предметы. Нет, они вроде вполне нормальные. Ну, не то, что нормальные... но... так или иначе, это меня не удивляет».

«Ого! Я думаю, это можно так проанализировать. Психологически. Видите ли... может быть, например, ... ну, я хоть и *не слишком силен* в этом, но вот мой взгляд на *такие вещи*. У него, наверное, был комплекс неполноценности, и это гиперкомпенсация за этот комплекс неполноценности. Его *замечательные* оценки ... его *хорошие* оценки – это компенсация за его неудачу... в социальных контактах, может быть, не знаю».

«Оп-па! Третий по рейтингу в Джорджии. (Глубокий вздох) Понятно, что он разозлился, когда его не приняли в Фи Бета».

Попытки справиться с несоответствием своей характеристики оценкам, которые дали личности абитуриента преподаватель медицинской школы «Гарднер» и «шестеро других судей», встречались гораздо реже, чем попытки как-то упорядочить (нормализовать) объективные данные. Здесь открытые высказывания недоумения и беспокойства характерно перемежались молчаливыми раздумьями:

«(Смешок) Подумать только! (Тишина) Я думал – все будет наоборот. (Очень подавленно) Может, я и не прав вовсе. Я совершенно сбит с толку. Я – в полном недоумении».

«Да не вежливый он. Он, конечно, самоуверенный. Но не вежливый. Не знаю. Или этот преподаватель слегка с приветом, или я. (Долгая пауза) Просто поразительно! Поневоле засомневаешься в собственных оценках. Может быть, мои жизненные ценности неверны, не знаю».

«(Присвистывает) Я — нет, я не думаю, что он производит впечатление хоть как-то воспитанного человека. Да этот его тон!! Я ... хотя, Вы заметили, может, когда он там *первый раз* сказал: “Раньше надо было говорить!” – он (преподаватель в записанном на пленку собеседовании) отнесся к этому с юмором. Ну да и все равно! Не-е-ет, я даже не могу себе представить – “Раньше надо было говорить!” Может он, конечно, шутил. Пытался... Нет! Все-таки это нахальство!»

«Э-э... Ну, это заставляет меня совершенно иначе взглянуть на собеседование. . . Гм...это... ну это меня совсем запутало».

Ну... (смешок)... Мм-м! Э-э-э! Ну, возможно он выглядел очень прилично. Ему удалось ... удалось объяснить. Может быть... если видишь своими глазами, все выглядит по-другому. А может, из меня не вышел бы хороший интервьюер. (Задумчиво и еле слышно) У них вообще ничего нет из того, что я отметил. (Экспериментатор: Что-что?) (Испытуемый – громче): Они не упоминают ничего из того, что я отметил, похоже, я совершенно провалился».

Слегка оправившись от первого изумления, вызванного предъявлением «объективных» данных, испытуемые иногда спрашивали, что по этому поводу говорили другие учащиеся. Однако их сначала знакомили с характеристикой, данной «д-ром Гарднером», и лишь после того, как они высказывали свое отношение к ней, им сообщали мнения «других учащихся». Кому-то из испытуемых говорили при этом, что так высказались «34 из 35 студентов, опрошенных до Вас», кому-то – 44 из 45, 19 из 20 или 50 из 52. Числа всякий раз были большими. Высказывания 18 из 25 учащихся были чрезвычайно близки к приводимым ниже отрывкам из наших протоколов:

(34 из 35) «Ну не знаю ... Я все-таки уверен в своем впечатлении. Я ...я ... А скажите мне, пожалуйста, что ... я увидел неверно. Может, я ... может, у меня ... с самого начала было неправильное представление, точнее, неправильное отношение. (Вы можете мне сказать? Мне ужасно интересно, как могло получиться такое расхождение). Определенно ... я думаю... я полагаю, что все должно было быть с точностью до наоборот. Не могу понять. Правда, я совершенно сбит с толку. Я ... нет, я не понимаю, как я мог так ошибиться. Может, я вообще неверно оцениваю людей. Я хочу сказать, может, я неправильно... может, у меня другие критерии ... или... не такие, как у тех тридцати трех. Нет, я не думаю, что это так . . . потому что... при всей своей скромности я могу так сказать ... я ... обычно правильно сужу о людях. Я имею в виду: в школе, в разных группах, в которых я участвовал ... я обычно правильно их оценивал. Так что я *совершенно* не понимаю, как это я так ошибся. Не похоже, чтобы я был в напряжении или волновался... сегодня... нет, не понимаю».

(43 из 45) «(смешок) Даже не знаю, что и сказать. Меня тревожит, что я оказался неспособен как следует оценить этого парня. (Подавленно) Не настолько, конечно, чтобы я сегодня не заснул, (очень подавленно) но это меня очень растрожило. Простите, что я не... но все-таки возникает один вопрос ... может, я ошибаюсь ... (Экспериментатор: Попробуйте представить себе, каким они его видели.) Нет. Нет, не могу я этого представить, нет. Конечно, со всем этим биографическим материалом – да, но я не понимаю, как Гарднер справился без него. Ну, да, я понимаю, именно поэтому, Гарднер – это Гарднер, а я – это я. (Сообщается, что и остальные 45 учащихся не располагали этим биографическим материалом.) Да-да, да, конечно. Я вовсе не имел в виду, что я тут все отвергаю. Я хочу сказать, что, на мой взгляд совершенно бессмысленно говорить... Ну конечно! С такими данными его просто должны были принять, тем более, что он мужчина, господи! Ну ладно, что-нибудь еще?»

(36 из 37) «Может, я бы и отступил от своего первого суждения, но не слишком сильно. Просто я этого не вижу. Почему у меня должны быть другие критерии? Разве мое мнение не соответствует другим более или менее? (Экспериментатор: Нет.) Надо подумать. Забавно. Если только Вам не попались 36 очень необычных людей. Нет, не понимаю. Может, дело во мне. (Экспериментатор: Какая разница?) Большая, если предположить, что они правы. То, что я считаю правильным, они считают неправильным. Я думаю все же . . . все-таки человек такого типа мне бы не показался своим, эдакий умник, от которого лучше держаться подальше. Можно, конечно, так

разговаривать с другими ребятами, ...но на собеседовании?!... Теперь я совсем запутался, еще хуже, чем в начале этого разговора. Думаю, надо пойти домой и посмотреть в зеркало, поговорить с самим собой. Как Вы думаете? (Экспериментатор: Почему? Вас это беспокоит?) Да, это меня *беспокоит*! Вся эта история заставляет меня думать, что я сужу о людях и ценностях не так, как нормальные люди. Скверное дело! (Экспериментатор: Какая разница?) Если я так действую всегда, значит, я просто сую голову в пасть льву. У меня были кое-какие убеждения, но они все пошли к черту. Остается только удивляться – почему у меня совершенно другие критерии. Нет-нет, все показывает, что дело тут во мне».

Из 25 обманутых испытуемых семь так и не смогли примириться с тем, что они ошиблись в таком простом деле, и не сумели «увидеть» противоположное. Они тяжело и безутешно переживали происшедшее. Еще пять участников разрешили для себя проблему, заявив, что медицинская школа приняла хорошего человека; другие пять – решив, что приняли зануду. Несколько изменив свое первоначальное мнение, они все же не совсем отказались от него. Они полагали, что точку зрения Гарднера «в целом» понять можно, но этому пониманию не хватало убежденности. Как только им указывали на конкретные детали, понимание улетучивалось. Эти испытуемые готовы были согласиться с «общей» картиной, но странные подробности того же портрета, попадая им на глаза, вызвали у них настоящие мучения. Согласие с «общей» картиной сопровождалось новыми характеристиками, которые не просто противоречили прежним суждениям испытуемого, но изобиловали сверхположительными определениями: так, если сначала речь абитуриента сочли неуклюжей, то теперь она оказывалась чрезвычайно «гладкой»; он был уже не грубым, а «очень» естественным; не истеричным, а «совершенно» спокойным; а кроме того, испытуемые обнаруживали у абитуриента и новые качества благодаря новому представлению о том, как именно слушал его экзаменатор медицинской школы. Они *увидели*, например, что экзаменатор *улыбнулся*, когда абитуриент забыл предложить ему сигарету.

Трое испытуемых были убеждены в том, что их обманывают, и соответствующим образом вели себя на протяжении всего интервью. У них не было никакого замешательства. Двое из них ужасно переживали, когда выяснилось, что собеседование окончено, они могут быть свободны, но никто не собирается признавать обмана.

Поведение еще троих испытуемых, страдавших молча, поставило экспериментатора в тупик. Никак не показывая этого экспериментатору, они рассматривали ситуацию как экспериментальную, требующую от них решения неких проблем, и поэтому считали, что должны справиться с этим как можно лучше и не вносить каких-либо поправок в высказанные суждения, поскольку только так они действительно помогут исследованию. На протяжении всего интервью экспериментатору было очень трудно с ними – они были явно встревожены, но их высказывания были неизменно вежливы и не давали возможности обратиться к источнику их беспокойства.

И наконец, еще трое испытуемых, сильно отличавшиеся от всех остальных. Один из них утверждал, что представленные характеристики «семантически неоднозначны» и, поскольку информации было недостаточно, они не могли быть «достаточно точными». Другой испытуемый, единственный из всей выборки, счел второй портрет не менее убедительным, чем первый. Когда мистификация раскрылась, он очень расстроился, что мог так обмануться. Третьего испытуемого все предъявляемые материалы если и смущали, то не сильно и не надолго. Из всей выборки, однако, только он уже прошел собеседование в медицинской школе и имел

там прекрасные связи. Несмотря на то, что его успеваемость была не более чем удовлетворительной, он считал свои шансы на поступление довольно высокими, говоря при этом, что дипломатическая карьера предпочтительнее медицинской.

И последнее наблюдение – 22 из 28 испытуемых выразили явное облегчение (10 из них весьма эмоционально), когда обман раскрылся. Они единодушно отметили, что сообщение об обмане позволяет им вернуться к своим прежним взглядам. Семерых пришлось убеждать в самом факте обмана. Когда им рассказали об обмане, они стали спрашивать, чему же они должны верить. Может быть, экспериментатор говорит об обмане, чтобы они не чувствовали себя так скверно? Тогда, не считаясь с временем и усилиями, экспериментаторы разъяснили им все правды и неправды, окончательно убедив их в том, что обман все-таки имел место.

Поскольку, с точки зрения отдельного человека, его готовность соответствовать ожиданиям, составляющим установки его повседневной жизни, обусловлена его пониманием и принятием «естественных жизненных фактов», вариации в организационных условиях проявления такой готовности разными членами коллектива должны выражаться их различиями в понимании и принятии «естественных жизненных фактов». Следовательно, выраженность описанных выше эффектов должна прямо зависеть от степени приверженности испытуемого своему пониманию естественных жизненных фактов. Кроме того, вследствие *объективного* характера воспринимаемого и общего для участников нравственного порядка фактов коллективной жизни, выраженность этих эффектов должна зависеть и от сложившегося у них понимания этих естественных жизненных фактов, и независимо от их «личностных характеристик». Под личностными характеристиками я понимаю все свойства личности, используемые в экспериментальных методиках для объяснения действий человека посредством соотнесения этих действий с более или менее систематически наблюдаемыми переменными его мотивации и «внутренней жизни», когда не учитываются социальные и социокультурные воздействия. Этому условию отвечают результаты большинства распространенных методик оценки личности и клинических психиатрических процедур.

Таким образом, должно обнаруживаться следующее явление. Представим себе, что существует процедура, позволяющая убедительно оценить степень приверженности данного человека своему пониманию «естественных фактов социальной жизни». Вообразим также, что имеется и другая процедура – позволяющая оценить степень растерянности человека в широком спектре интенсивности и сочетаний описанного выше поведения. Тогда для совокупности произвольно выбранных личностей и независимо от способа определения личности первоначальное соотношение между приверженностью «пониманию естественных фактов» и «растерянностью» должно быть случайным. Когда ожидания повседневной жизни нарушаются (при условии, что такие нарушения создаются оптимальным образом), люди будут различаться по проявляемой ими растерянности на величину, коррелирующую с их исходной приверженностью своему пониманию «естественных фактов жизни».

Явление, которое, как я полагаю, должно обнаруживаться, показано на рис. 1 и 2, отражающих результаты описанного выше обследования 28 учащихся медицинской школы. До предъявления несогласующегося материала корреляция между приверженностью учащихся общему моральному порядку фактов жизни медицинской школы и их тревожностью составляла 0,026. После предъявления несогласующегося материала и безуспешных попыток его «нормализации», но прежде, чем обман был раскрыт, корреляция составила 0,751. Поскольку процедуры оценки были очень грубы, а также вследствие серьезных ошибок, допущенных при разработке и проведении

экспериментов, и аргументации *post hoc*, эти данные – не более чем иллюстрация того, о чем я здесь говорю. Ни при каких обстоятельствах их не следует считать открытием.

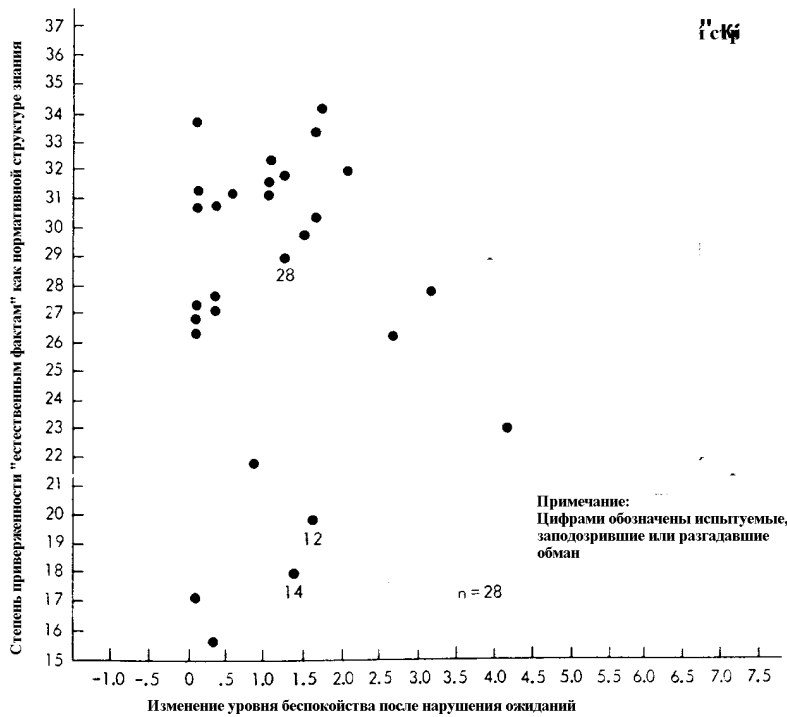

РИС. 1. Корреляция между степенью приверженности участника «естественным фактам» как институционализированной по порядку знания об обстоятельствах поступления в медицинскую школу и исходным уровнем тревожности ($r = 0,026$)

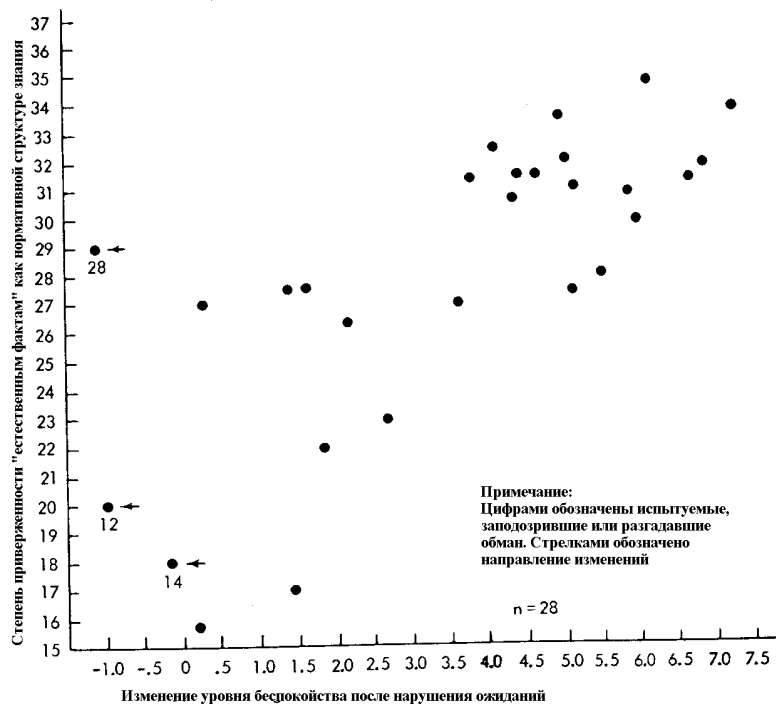

РИС. 2. Корреляция между степенью приверженности человека «естественным фактам» как институционализированной по порядку знания об обстоятельствах поступления в медицинскую школу и относительным уровнем тревожности ($r = 0,751$)

Общие понимания и тот факт, что модели человека в обществе изображают его «здравомыслящим дураком»

Множество исследований подтверждает, что социальная стандартизация общих пониманий, независимо от того, что именно стандартизуется, ориентирует действия личности на наблюдаемые события и обеспечивает ей основания для опознания отклонений от предположительно нормального хода вещей и его восстановления, а затем и для активного действия.

Теоретики в области общественных наук – особенно специалисты по социальной психиатрии и социальной психологии, антропологи и социологи – используют явление стандартизации в своих предположениях о характере и последствиях действий, согласующихся со стандартизованными ожиданиями. В целом они признают тот факт (но в конкретных случаях пренебрегают им), что люди открывают для себя эту стандартизацию, осуществляют и поддерживают ее посредством одних и тех же действий. Наиважнейшим следствием такого пренебрежения является заблуждение относительно природы и условий устойчивых действий. Это случается в результате того, что члена общества считают здравомыслящим дураком – в культурном или психологическом отношении, или и в том и в другом, и потому за рамками всякого завершеного исследования связей между действиями людей и стандартизованными ожиданиями неизменно остается немало *неопубликованного* и достаточно противоречивого материала, взывающего к существенной ревизии опубликованных данных.

Говоря о «культурном дураке», я имею в виду человека-в-обществе-сконструированном-социологом, который воспроизводит устойчивые свойства сообщества, действуя в соответствии с предустановленными и легитимными альтернативами поведения, предоставляемыми ему общей культурой. Тогда «психологический дурак» – это человек-в-обществе-сконструированном-психологом, воспроизводящий устойчивые свойства сообщества посредством выбора между альтернативными способами поведения, обусловленными его психиатрической биографией, историей воспитания и переменными функционирования психики. Общим в использовании этих «моделей человека» является тот факт, что здравомысленные основания⁹ суждений, т.е. использование человеком знания общественных структур на уровне здравого смысла вместо временной последовательности ситуаций «здесь и теперь», считаются эпифеноменами.

Дезориентирующий характер использования «здравомыслящего дурака» для описания взаимосвязи между стандартизованными ожиданиями и ходом действия связан с проблемой адекватного объяснения – довода, которым руководствуется исследователь, когда принимает решение либо рассматривать, либо отбросить соображения здравого смысла при определении необходимых связей между различными процессами действия, с учетом таких проблематичных соображений как выбор между возможными перспективами, субъективность и внутреннее время. Излюбленное решение этой проблемы – изобразить, к чему должны привести действия

⁹ Более подробно здравомысленные основания обсуждаются у Шюца в «Common sense and Scientific Interpretation of Human Action», (*Collected Papers I: The Problem of Social Reality*, pp. 3-47) и в «The Problem of Rationale in the Social World», (*Collected Papers II: Studies in Social Theory*, pp. 64-88), а также ниже, в гл. 8. Соображения здравого смысла использовались Эгоном Биттнером, *op. cit.*, когда он предлагал критически пересмотреть отношение социологии к душевным болезням.

члена коллектива, использующего устойчивые структуры (т.е. к чему они *привели*). Это изображение служит отправным пунктом в теории, с которого начинают изображать далее, что пути достижения конечного результата имеют характер необходимости. Предпочтительными приспособлениями, позволяющими справиться с проблемой обоснованности выводов, хотя бы и ценой превращения человека-в-обществе в здравомыслящего дурака, являются навязанные правила, действия и иерархии установок и потребностей, общая для людей культура.

Что же делает исследователь, чтобы превратить члена общества в здравомыслящего дурака? Приведу несколько конкретных примеров и их следствия.

Я дал учащимся задание – поторговаться с продавцами из-за обычных товаров, имеющих твердо установленную цену. Стандартизованное ожидание в данном случае состоит в «институционализированном правиле единой цены», которое, согласно Парсонсу¹⁰, является составляющей института контракта. Будучи «интериоризованным», это ожидание должно было заставить студентов-покупателей испытать страх и стыд перед выполнением задания, и стыд после его выполнения. Соответственно, продавцы должны были, как правило, проявлять беспокойство и раздражение.

В выполнении задания участвовали две группы студентов. Члены первой группы (68 студентов) должны были совершить лишь по одной такой попытке в отношении товара, стоимость которого не превышала двух долларов, предлагая заплатить гораздо меньше запрашиваемой цены. Члены другой группы (67 студентов) должны были выполнить серию попыток (6): три с товарами стоимостью два доллара или меньше и еще три с товарами по 50 и более долларов.

Результаты: (а) Продавцов можно вообще не рассматривать — они либо вели себя как дураки не того типа, который описан в современных теориях стандартизованных ожиданий, либо они были не совсем дураками. Очень немногие проявили некоторое беспокойство; и только один разозлился. (б) Из тех, что должны были сделать всего одну попытку, 21 % вообще отказались от нее или остановились на полпути, во второй группе так повели себя лишь 3 %. (в) При поэтапном анализе эпизода — ожидание попытки, обращение к продавцу, предложение более низкой цены, последующее взаимодействие, завершение эпизода, и то, что было после — обнаружилось, что опасения с наибольшей частотой проявлялись в обеих группах на этапах ожидания исполнения и обращения к продавцу *при первой попытке*. Среди тех, кто сделал только одну попытку, число участников, сообщавших о пережитом дискомфорте, уменьшалось с каждым следующим этапом. Большинство студентов, выполнивших две и более попыток, рассказывали, что к третьему эпизоду они уже начали получать удовольствие от задания. (г) Большинство учащихся отметили, что им было комфортнее торговаться из-за дорогого, а не дешевого товара. (д) Многие из тех, кто прошел через шесть эпизодов, обнаружили, к собственному «удивлению», что даже в условиях стандартных цен можно торговаться с весьма реалистичными шансами на успех; они собирались поступать так и в будущем, особенно в отношении дорогих товаров.

Эти результаты показывают, что члена общества можно выставить «культурным дураком», если: (а) изображать его человеком, который действует по правилам, когда в действительности он говорит о тревоге ожидания, мешающей ему не только пустить дело на самотек, но и, тем более, справиться с ситуацией, оставляющей ему выбор — действовать или не действовать по правилу; или (б) не замечать практическую и теоретическую важность преодоления страха. (в) Если при возникновении беспокойства человек старается избежать столкновения с некими

¹⁰ Talcott Parsons, «Economy, Polity, Money and Power», dittoed manuscript, 1959.

«стандартизованными» ожиданиями, то такая стандартизация, по-видимому, является приписываемой, что и подтверждается тем фактом, что люди избегают самих ситуаций, в которых они могли бы узнать о такого рода ожиданиях.

И обыденное, и профессиональное знание о природе действий, управляемых правилами, и о последствиях нарушения этих правил по сути основано как раз на такой процедуре. Действительно, чем важнее правило, тем больше вероятность того, что знание не основано на собственных проверках. Всякого, кто попытается исследовать ожидания, составляющие обычный фон повседневной деятельности, наверняка поджидают удивительные находки, поскольку эти ожидания редко подвергались исследователями даже такой проверке, какая может быть осуществлена путем их воображаемого нарушения.

Другой способ выставить члена общества здравомыслящим дураком – взять любую из существующих теорий формальных свойств знаков и символов и использовать ее для описания того, как люди интерпретируют проявления среды, придавая им ту или иную значимость. Есть несколько способов получить дурака. Я приведу два.

(а) Как правило, формальные исследования либо были связаны с разработкой нормативных теорий использования символов, либо, будучи предприняты ради создания описательных теорий, примирялись с нормативными. В любом случае испытуемого-интерпретатора необходимо было проинструктировать – он должен был действовать в точном соответствии с инструкциями исследователя, чтобы исследователь затем мог изучать его действия именно как проявления того, что исследователь имел в виду. Однако, по Витгенштейну¹¹, действительное использование тех или иных знаков (символов) – это их рациональное использование в контексте *определенной* «языковой игры». В чем же состоит *его* игра? Пока этим важнейшим вопросом пренебрегают, конкретные применения символов человеком неизбежно обманывают надежды исследователей. И чем более справедливо сказанное, тем в большей мере интересы испытуемых при использовании символов определяются практическими соображениями, отличными от соображений исследователя.

(б) Имеющиеся в настоящее время теории могут сказать немало важного о таких функциях знаков как метки и обозначения, но хранят молчание о таких неизмеримо более общих функциях знаков как толкование, синекдоха, фиксированное обозначение, эвфемизм, ирония и двойственность. Можно спокойно не обращаться к знанию об обычных делах на уровне здравого смысла при обнаружении и анализе меток и обозначений в качестве знаковых функций, *поскольку* пользователи этого тоже не делают. Однако анализ иронии, двойственности, произвольного толкования и т.п. требует совершенно иного. Любая попытка рассмотреть взаимосвязь высказываний, смыслов, перспектив и тенденций непременно требует обращения к знанию о повседневных делах на уровне здравого смысла.

Хотя исследователи и пренебрегают обычно этими «сложными» функциями, они все же не могут вполне уклониться от связанных с ними трудностей. Поэтому они прибегают к толкованию: объясняют, что использование членом языковой общности того или иного символа обусловлено либо культурой, либо потребностями; интерпретируют пары внешних проявлений и подразумеваемых объектов — т.е. сочетания «знака» и «обозначаемого» — как ассоциацию. И всегда добросовестному описанию такого использования символов мешает пренебрежение суждениями пользователя.

Именно эта работа суждения в сочетании с ее опорой на знание общественных структур на уровне здравого смысла и обращениями к нему настойчиво привлекала

¹¹ Ludwig Wittgenstein, *Philosophical Investigations* (Oxford: Basil Blackwell, 1959).

наше внимание в каждом случае нарушения привычного хода вещей, поскольку нашим испытуемым приходилось сражаться именно с собственной деятельностью рассуждения и с собственным знанием на уровне здравого смысла как практическими проблемами, встававшими пред ними вследствие этих нарушений. Каждый случай отклонения от ожидаемо привычного хода обыденных дел, сколь бы значительным это отклонение ни было, требовал от испытуемого распознавания того факта, что экспериментатор использует двойное истолкование, иронию, приукрашивание, эвфемизм или ложь. Это многократно повторялось при отклонениях от обычных правил игры.

Студентам было поручено поиграть в крестики-нолики с разными людьми (по возрасту, полу и близости знакомства). Нарисовав таблицу, студент должен был предложить партнеру (испытуемому) сделать первый ход. После того как испытуемый делал свой ход, студент стирал поставленную им метку, перемещал ее в другой квадратик и ставил собственную метку, делая вид, что ничего необычного не происходит. По рассказам студентов, в половине случаев (из 247 попыток) их партнеры считали, что происходящее имеет некий скрытый, но вполне определенный смысл. Испытуемые были убеждены, что экспериментатор (студент) «чего-то добивается», хоть и не говорит, чего именно, и то, что он «на самом деле» делает, не имеет никакого отношения к игре в крестики-нолики, т.е. он, например, кокетничает (с представителем противоположного пола); намекает на глупость испытуемого; пытается его как-то задеть или даже оскорбить. Аналогичные эффекты наблюдались и в тех случаях, когда студенты торговались по поводу товаров, имеющих твердо установленную цену; просили собеседников пояснить смысл совершенно тривиальных высказываний; присоединялись без приглашения к незнакомой группе собеседников или во время обычной беседы «рассеянно бродили взглядом» по окружающим предметам.

Еще один способ выставить человека культурным дураком – это упростить коммуникативную ткань его поведенческой среды. Например, придав особое значение физическим аспектам среды, можно теоретически вынести за экзистенциальные рамки тот факт, что среда, в которой человек находится, будучи сплетением потенциальных и реальных событий, содержит не только видимые объекты и приписываемые им свойства, но и его собственные яркие внутренние состояния. Мы наблюдали это в следующих опытах.

Студентам предложили выбрать кого-то не из членов своей семьи и в ходе обычной беседы, ничем не показывая, что происходит что-то необычное, приблизить лицо к лицу собеседника так, чтобы чуть ли не соприкоснуться с ним носами. Получено 79 отчетов. В большинстве из них, независимо от соотношения полов собеседников (однополые или разнополые пары), от близости собеседников друг другу (просто знакомые или близкие друзья, с незнакомыми людьми экспериментировать не разрешалось), от разницы в возрасте (за исключением случаев с детьми), такое поведение вызывало у *обоих* (и у экспериментатора, и у испытуемого) атрибуцию сексуального намерения со стороны партнера, хотя какое бы то ни было подтверждение такого намерения исключалось самих характером процедуры. Приписывание подобных намерений другому сопровождалось собственными импульсами данного человека, которые в свою очередь становились частью происходящего – человек не только чувствовал себя желаемым, но и сам испытывал желание. Неподтвержденное приглашение к выбору сопровождалось неуверенностью и относительно собственного выбора, и относительно своей избранности партнером. Характерными были попытки избегания, смятение, острое замешательство и, более всего, ощущение неопределенности всех этих состояний, наряду с неопределенными страхами, надеждами и гневом. Эти эффекты особенно заметно проявлялись между мужчинами.

Как правило, студентам-экспериментаторам не удавалось нормализовать ситуацию. Испытуемые лишь отчасти принимали их объяснение, что это было сделано «в порядке эксперимента по курсу социологии». Нередко они с упреком говорили: «Ну ладно, это был эксперимент, но почему ты выбрал *меня?*» Обычно и испытуемому, и экспериментатору хотелось продолжить разрешение ситуации за рамками такого объяснения, но ни один, ни другой не знали, в чем бы оно могло или должно было состоять.

И наконец, члена общества можно выставить здравомыслящим дураком, если представить дело так, как будто обычные, рутинные действия управляются ранее достигнутым соглашением, и считать при этом вероятным, что человек признает отклонение от обычного хода вещей обусловленным такого рода соглашениями. То, что это чисто академическое допущение, позволяющее, однако, вывести за экзистенциальные рамки чрезвычайно важное явление, подтверждается рассмотрением того общеизвестного факта, что люди постоянно заставляют друг друга придерживаться соглашений, условия которых они никогда не обсуждали. Это упускаемое свойство общих пониманий ведет к далеко идущим последствиям, когда явно применяется для описания природы подобных «соглашений».

По-видимому, как бы ни были конкретны условия общего понимания — их прототипом может считаться контракт, — они имеют для людей статус соглашения лишь постольку, поскольку сформулированные условия влекут за собой хоть и невысказанное, но совместно понимаемое условие *et cetera*¹². Все конкретные соглашения формулируются под управлением общего соглашения, подпадая под юрисдикцию условия *et cetera*. Это происходит не раз и навсегда, а существенно связано с течением внутренних и внешних событий во времени и, тем самым, с последовательным развитием обстоятельств и их непредвиденными изменениями. А следовательно, было бы и неверно, и неконструктивно считать подобное соглашение своего рода страховкой, обеспечивающей людям способность в любой момент взаимодействия надежно предсказать будущие действия партнера. Точнее говоря, общее понимание, сформулированное по принципу соглашения, используется людьми для того, чтобы упорядочивать любые последствия своих реальных действий. Непредвиденные обстоятельства не просто случаются — люди всегда и везде знают, что непредвиденные обстоятельства могут появиться или быть придуманы в любой момент, когда приходится решать, соответствовали ли реальные действия сторон принятому соглашению. Условие *et cetera* обеспечивает уверенность человека в том, что неизвестные условия встречаются на каждом шагу и в любой момент могут потребовать от него ретроспективного возвращения к условиям соглашения, чтобы выяснить — в свете происходящих событий, в чем же «на самом деле» состояло это соглашение «в первую очередь» и «всегда». Тот факт, что работа по приведению

¹² Условие *et cetera*, его свойства и последствия его использования были ведущими темами исследований и дискуссий среди участников конференций по этнометодологии, проходивших в Калифорнийском университете (Лос-Анжелес) и в университете Колорадо с февраля 1962 при финансовой поддержке Бюро научных исследований Вооруженных сил США. Участниками конференций были Эгон Биттнер, Гарольд Гарфинкель, Крэг Макэндрю, Эдвард Роуз и Харви Сакс. Результаты обсуждения условия *et cetera* участниками конференции можно посмотреть в: Egon Bittner, «Radicalism: A Study of the Sociology of Knowledge», *American Sociological Review*, 28 (December, 1963), 928-940; Harvey Sacks, «On Sociological Description», *Berkeley Journal of Sociology*, 8 (1963), 1-16; Harold Garfinkel, «A Conception and Some Experiments With Trust...» и гл. 1 и 3 в этой книге. Развернутые исследования процедур кодирования, методов допроса, работы юристов, перевода, конструирования моделей, исторической реконструкции, «социального учета», подсчетов и личностной диагностики содержатся в неопубликованных работах Биттнера, Гарфинкеля, Макэндрю, Роуза, и Сакса; в протоколах выступлений Биттнера, Гарфинкеля и Сакса по теме «Обоснованные расчеты» на 16-ой Ежегодной Конференции по Международным Делах в Университете Колорадо, апрель 11-12, 1963; и в протоколах Конференции.

текущих обстоятельств под правила ранее оговоренной деятельности иногда приводит к неверным результатам, не должен закрывать от нас ее всепроникающий и рутинный характер как постоянное и существенное свойство «действий в соответствии с общим пониманием».

Этот процесс, который я назвал бы методом обнаружения соглашений посредством выявления или навязывания уважения к правилу практических обстоятельств, является одной из версий практической этики. И хотя он пока еще не привлек должного внимания исследователей в области социальных наук, он является предметом неизменной и общей заботы как в повседневных делах, так и в обыденных представлениях о них на уровне здравого смысла. Умелое и явное использование принципа *et cetera* для достижения успеха в конкретных обстоятельствах – профессиональное качество юристов, этому специально обучают студентов юридических вузов. Не следует, однако, считать, что, будучи профессиональным качеством юристов, оно только им и доступно, или что этим занимаются только те, кто делает это преднамеренно. Этот метод является общим для общества в целом как системы взаимодействий, управляемых правилами¹³. Он является одним из механизмов, посредством которого человек, с одной стороны, управляет своими потенциальными и реальными успехами, равно как и неожиданными удачами, а с другой – справляется с разочарованиями, фрустрациями и провалами (и те и другие неизбежно поджидают его в его попытках соблюдать подобные соглашения), сохраняя при этом ощущение разумности реальных социально организованных взаимодействий.

Частный, но точный пример существования этого явления был многократно получен в результате применения следующего приема: экспериментатор вовлекал людей в разговор, имея скрытый под верхней одеждой микрофон для записи происходящего на магнитную ленту. В процессе беседы экспериментатор неожиданно распахивал пиджак и показывал собеседнику передатчик со словами «Смотри-ка, что у меня есть». За первоначальной паузой почти всегда следовал вопрос: «Что ты собираешься с этим делать?» По мнению испытуемых, было нарушено их ожидание, что это разговор «между нами». Когда выяснилось, что беседа записывается, ситуация изменилась, это обстоятельство порождало новые возможности, которые оба участника затем попытались подвести под юрисдикцию соглашения, о котором они прежде не упоминали и которого фактически не существовало. Разговор, который, как теперь оказалось, был записан, приобретал тем самым совершенно иной и проблематичный характер, учитывая, что в дальнейшем он мог быть использован совершенно неизвестным образом. До этого считалось, таким образом, что условие конфиденциальности соблюдается автоматически.

Заключительные замечания

Я постарался показать, что интерес к природе, происхождению и распознаванию разумных, реалистичных и поддающихся анализу действий не является монополией философов и профессиональных социологов. Все члены общества естественно и по необходимости интересуются этими вещами и самими по себе, и в связи с социально регулируемым выполнением своих повседневных дел. Чтобы исследовать здравосмысленные представления и здравосмысленные действия, надо увидеть проблему в тех способах, посредством которых все члены общества, на каком бы

¹³ Справедливость этого утверждения определяет программную задачу пересмотра проблемы общественного устройства в том виде, как она теперь формулируется в социологических теориях и критического обсуждения предпочитаемых в настоящее время ее решений. Ключевой точкой этого пересмотра является эмпирическая проблема выявления характерных свойств мышления по принципу *et cetera*.

уровне они не занимались социологией – бытовым или профессиональным, – делают видимыми социальные структуры повседневных действий. «Переоткрытие» здравого смысла представляется, однако, возможным, поскольку профессиональные социологи, как и другие члены общества, просто привыкли уделять слишком много внимания здравосмысленным представлениям о социальных структурах в качестве темы и ресурсной базы своих исследований, недооценивая их роль как единственной и исключительной программной социологической тематики.

Перевод с английского Турчаниновой Ю.И., Гусинского Э.Н.